

«Лучшее о жизни Прокофьева, о его сложном и необычном внутреннем мире написано самим Прокофьевым...

Восторженный певец жизни, солнца и молодости, он дал людям растревоженного XX века ту радость и свет, которых им так часто недостает» Д.Д. Кабалевский

«Я родился в 1891 году. Четыре года назад умер Бородин, пять лет назад – Лист, восемь – Вагнер, десять – Мусоргский. Чайковскому осталось два с половиной года жизни; он кончил 5 симфонию, но не начал шестой. Римский-Корсаков недавно сочинил «Шехеразadu» и собирался привести в порядок «Бориса Годунова»..»

«Музыкальные склонности начали проявляться рано, вероятно года в четыре. Музыку в доме я слышал от рождения. Когда вечером укладывали спать, а спать не хотелось, я лежал и слушал, как где-то вдалеке, за несколько комнат, звучала соната Бетховена»

«...к трём годам относится моё первое воспоминание. Я кувыркаюсь на постели моего отца. Вокруг стоят родные. В передней звонок, приехали гости. Все бегут встречать. Я продолжаю кувыркаться и, слетев с постели, ударяюсь лбом о железный сундук. Удар был здоровенный – шишка на лбу осталась на всё детство и юность и сравнялась лишь к тридцати годам. «...» Когда я дирижировал в Париже, художник Ларионов трогал её пальцем и говорил:

-А может, в ней-то весь талант!»

«Однажды Сергушечка явился к мамочке (так она рассказывает) с листом бумаги, разрисованным нотами, и заявил:

-Вот я сочинил рапсодию Листа.

Пришлось объяснить, что сочинить рапсодию Листа нельзя, потому что рапсодия есть пьеса, а Лист как раз тот человек, который её сочинил.»

«Мысли не всегда укладывались в такты и ритмические фигуры давались с трудом, но пьесы кое-как записывались, и их можно было разобрать.

Таким образом в течение весны и лета 1897 года я записал три пьесы: Вальс, Марш и Рондо.»

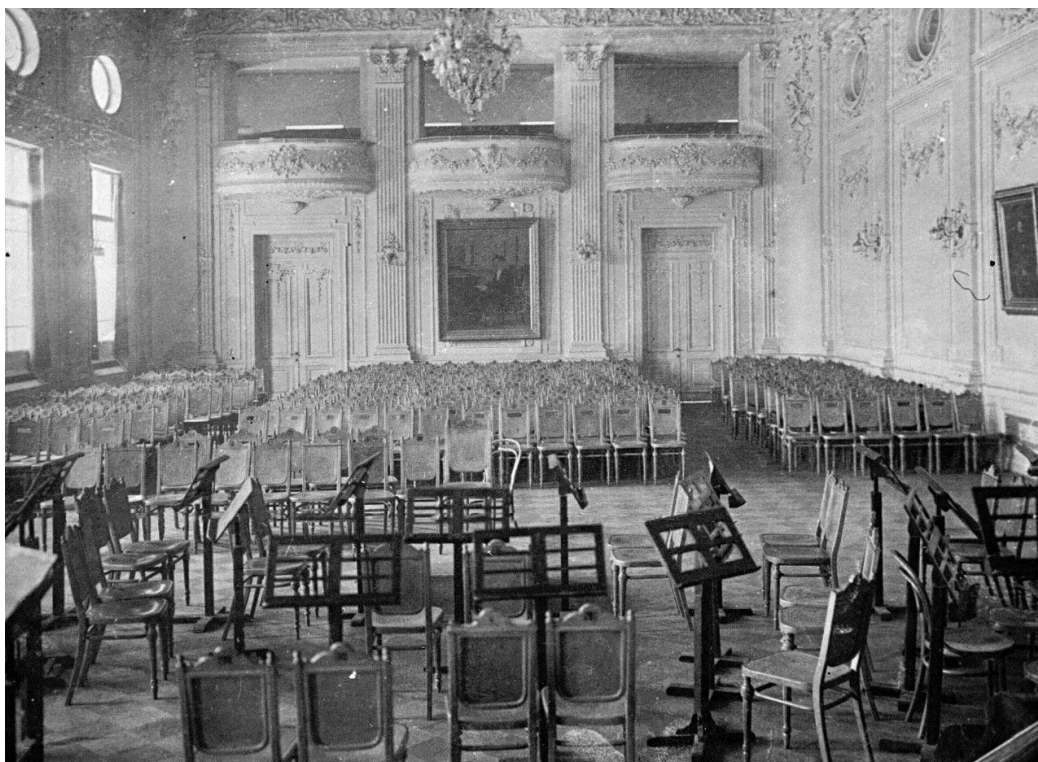
«Глазунов возразил:

-Если ребёнка, обладающего такими способностями, как ваш, нельзя отдать в консерваторию, то тогда кого же можно?»

«После ухода Глазунова мать некоторое время колебалась, «...» но по существу моё поступление в консерваторию было предрешено»

«Что касается меня, то к будущему поступлению в консерваторию я относился без особого интереса. Что такое консерватория, я не ясно представлял себе, но, пожалуй, был рад, что не в гимназию.»

«Я взял мои обе папки (в одной – все сочинения этого года, в другой – сочинения других годов) и вошёл в кабинет.

Меня спросил Римский-Корсаков:

-Это – ваши сочинения?

-Да, - ответил я.»

«В консерватории было два параллельных курса теории композиции. Один вели Лядов и Римский-Корсаков, другой – Соловьёв. Первый считался более шикарным, во второй же попадали композиторы, сулившие меньше надежд и обыкновенно готовившие себя для педагогической деятельности. Я попал в класс гармонии к Лядову.»

«1905 год начался под знаком революции. По молодости лет я не заметил, как она наступила. То есть, вероятно, осенью я не раз слышал о забастовках и столкновениях, но не отдавал себе отчёта в истинной сущности вещей и воспринимал события скорее через возможность приезда или неприезда отца в Петербург.»

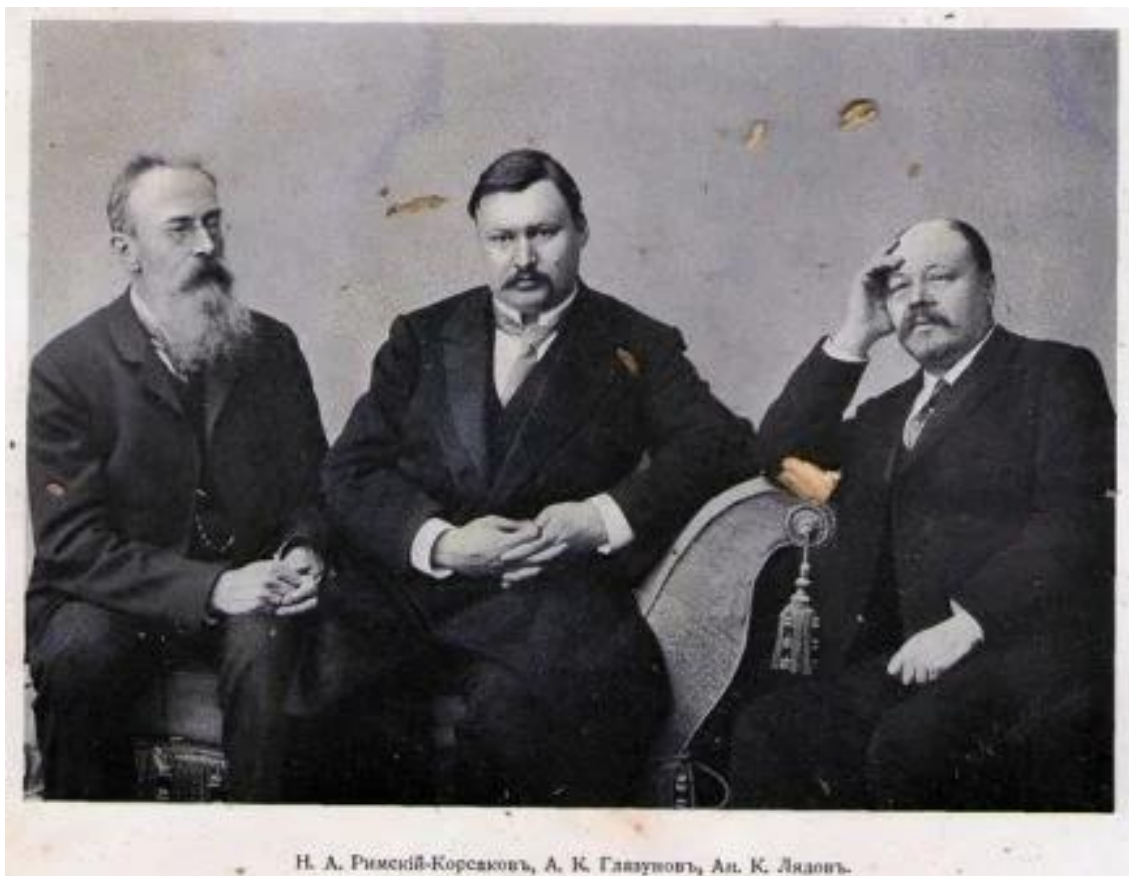

«Вообще, рассматривая мои «песенки» того времени, можно заметить, что время от времени я сочинял большие, размашистые, задуманные широко, - и всегда они выходили немного нескладными, недоделанными. Но рядом с ними попадались более короткие и в то же время более интимные по складу; эти песенки были стройнее и лучше по форме.»

«Римскому-Корсакову за его письмо было объявлено дирекцией Музыкального общества, что он исключается из числа профессоров.

Между тем Бернгард подал в отставку. Директорское место было предложено Глазунову. Но Глазунов сказал, что если Римский-Корсаков исключается из числа профессоров, то он, Глазунов, не только не желает быть директором консерватории, но и сам уходит из профессоров. А если уходят Глазунов и Римский-Корсаков, то уйдут и Лядов, и Есипова, и Бенуа, и Вержбилович, и многие другие.»

«Теоретики посылают дирекции консерватории заявление, в котором значится, что с уходом Римского-Корсакова, Глазунова и Лядова они не желают больше оставаться в консерватории и просят вернуть им их бумаги. Мне предложили тоже подписаться, и я, с позволения мамы, подписался. <Очень важно: я в первый раз выступаю с политическим протестом>»

«Сегодня ночью мы получили от тебя телеграмму о том, что ты беспокоишься насчёт взятия бумаг из консерватории. Оказалось, что эта тревога была ложной, так как бумага не была подана в дирекцию по каким-то, мною ещё не выясненным, причинам. Во всяком случае, если бы даже она и попала в дирекцию, то бумаги можно взять свободно и осенью. А если бы Римский-Корсаков и другие возвратились бы к осени в консерваторию, то бумаги можно вовсе и не брать...»

Отрывок из письма С. С. Прокофьева своему отцу.

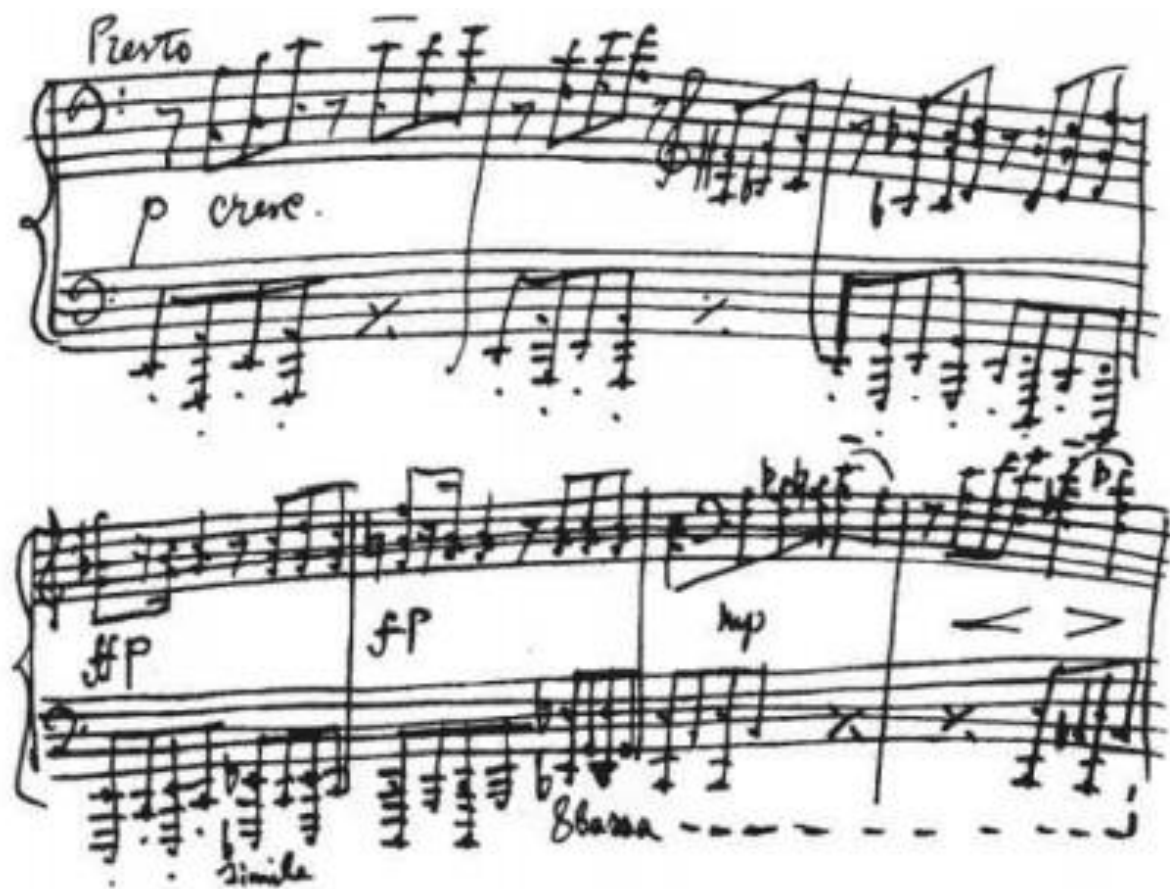
«Непременно в ближайшем будущем пойду в какое-нибудь шахматное общество. Собственно я знаю о существовании двух: Невский, 44 и Невский, 55. Остаётся узнать дни, когда там собираются: Невский, 55-я уже знаю, а про первое ещё нет, но 44 я бы предпочёл, так как, кажется, там бывает Малютин, единственный шахматист из -великих», которого я знаю и с которым играл; всё лучше, когда есть знакомые.»

«В течение этого лета я сочинял не очень много. Из фортепианных «песенок» я написал только одну и две ещё начал, но закончил их осенью в Петербурге.

<...>

Наступил август, а между тем дела консерватории оставались неясными...»

«В «Снегурочке» первые два акта мне не понравились, последние два — больше. Язык Римского-Корсакова был непривычен, я полюбил его позднее.»

«Я всегда чувствовал потребность самостоятельного мышления и следования своим собственным идеям, у меня были постоянные споры с моими профессорами в консерватории, поскольку я никогда не хотел что-либо делать только потому, что этого требуют правила. Я помню, как Лядов горячо посоветовал мне: «идите к Р. Штраусу и Дебюсси и поучитесь у них, но в мой класс не возвращайтесь». И я бы сделал это, но побоялся..., я не стесняюсь заявить, что по существу являюсь учеником своих собственных идей...»

«Читаю: -Похороны... Римского-Корсакова...». Но так их много, что я даже не особенно обратил внимание, так как был далёк от мысли. Смотрю внимательней: -...композитора... Н.А..... Тут я понял истину, сильно опечалился и озадачился. Вот тебе и умер Корсанька, и не удалось мне поучиться у него. Прошёл инструментовку, да и ту кое-как.»

«В субботу впервые был у В. В. Струве и играл с ним в шахматы. Отец его занимает довольно большую казённую квартиру, но кто он такое - совершенно не знаю, кроме разве того, что они обрусевшие немцы. Я предложил ему играть партии серьёзно и играть матч, например, до пяти выигранных партий; он согласился и решил играть матч из десяти партий на большинство. Первую партию я выиграл, во второй он меня сильно потеснил, но долго не смог продолжать, партия получалась равная, как я подставил коня и проиграл. Он, должно быть, немножко слабее меня, и я уверен, что матч выиграю.»

«В моём дневнике ничего не упомянуто о первом шахматном турнире, в котором я участвовал в жизни. Начался он пятого февраля этого года в Шахматном Собрании. Турнир был смешанный, для игроков всех категорий.»

«Всё было торжественно. Я волновался страшно. Уже давно моя мечта была - играть в каком-нибудь турнире; она осуществилась.»

«В двух последних турах я должен был играть с первыми категориями, - едва не выиграл у Люца и, наконец, одержал победу над подвыпившим Потёмкиным. Таким образом горечь поражений была вознаграждена»

«Прошлый раз жаловался, что событий никаких нет, теперь могу сказать о противоположном. Самое главное — это второе появление моей симфонии перед Глазуновым.»

«Исполнение симфонии, слава Богу, было решено, хотя всё это было сказано так туманно, что я ещё решительно себе не представляю, как и что это будет. А теперь скоблю и клею симфонию. Несмотря на то, что поправок он сделал и немного, тем не менее, всё это отнимает страшно много времени: работа медленная, утомительная и скучная. Но зато если симфония будет исполнена...!»

«Глазунов рёк - и свершилось. Двадцать третьего февраля в Придворном оркестре играли мою симфонию. Правда, это была закрытая репетиция - Глазунов, кажется, против публичного исполнения моей симфонии, он боится, чтобы это мне не повредило. Уж не знаю, право, как это может мне повредить.»

«Двадцать первого состоялась, наконец, первая репетиция «Игрока». Дело происходило в одной из внутренних зал Мариинского театра, где на возвышении помещался рояль. За ним я сидел и играл, на этот раз не спев ни звука. Нотная библиотека театра наконец сотворила литографированные клавиры первого и второго акта и артисты сидели с ними, пытаясь (но не всегда удачно) подпевать.»

«В английских газетах блестящая статья про меня и где-то там же играли «Скерцо для четырёх фаготов». А про «Скерцо» забавно: первое его исполнение в Англии, несмотря на то, что в России, кажется, меня уже часто поигрывают!»

«Исполнение «Алы» носило парадный характер - масса желающих её слышать, все билеты проданы и прочее. Приятной радостью для меня было, когда после первых тактов я услышал, насколько лучше звучит оркестр на эстраде и с железным занавесом. Мне было приятно дирижировать «Шествием Солнца», ибо инструментовка его верно рассчитана. Я сразу же начал выжимать из оркестра всё, что можно, и, тем не менее, нарастания хватило до последнего такта.»

«Я в первый раз играл публично 3-ю Сонату и «Мимолётности». Конечно, их премьеру следовало бы давать в Петрограде, а не в Кисловодске, но я на это выступление смотрю как на репетицию к столичному концерту.»

«Ехать в Америку! Конечно! Здесь ę закивание, там - жизнь ключом, здесь - резня и дичь, там - культурная жизнь, здесь - жалкие концерты в Кисловодске, там - Нью-Йорк, Чикаго. Колебаний нет. Весной я еду. Лишь бы Америка не чувствовала вражды к сепаратным русским! И вот под этим флагом я встретил Новый год. Неужели он провалит мои желания?»

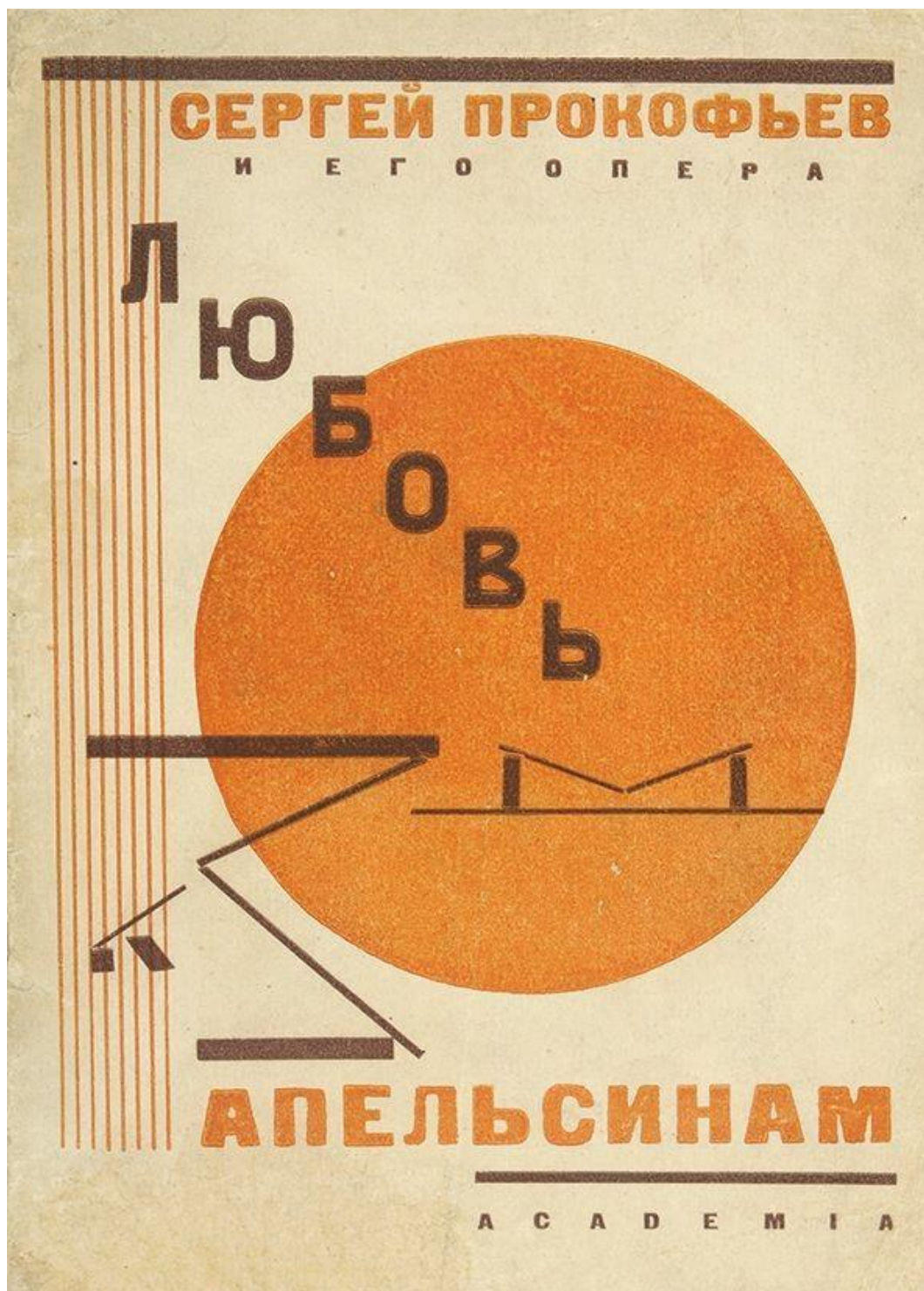
«Настроение разрозненное и даже не слишком весёлое, - не проще было бы сидеть в России, где и друзья, и музыка. Но все эти мысли - слабость и порождение владивостокского бесцелия и безделия. Учю испанский. Слов шестьсот знаю довольно твёрдо.»

«Настроение хорошее. Я у свершения задуманного в Кисловодске плана: я в Америке. План был нелёгкий, но я неуклонно восемь месяцев шёл к цели — и пришёл! Теперь начинается вторая стадия: надо победить эту Америку. И предчувствия хорошие.»

«Если уж я останусь здесь на будущий сезон (неужели останусь?), то не проще ли создать новую оперу - «Три апельсина»? Пожалуй, и проще, и чище дело, и лучше пойдёт для Америки.»

«Итак, год окончен. Хороший год. Начался хорошо и весело в Калифорнии, затем контракт с Мэри Гарден, постановка «Шута», чудесное лето и постановка «Апельсинов». Чего же лучше! Феноменальный год.»

«Я отправился в Париж играть с Кусевицким 3-й Концерт. Исполнение произошло в Grand Opera очень парадно: весьма важно, что мой парижский дебют начался при подобной обстановке. Успех был отличный и много ВЫЗОВОВ.»

«Днём заходил в издательство. Мою 2-ю Симфонию взял Клейбер для Берлина, а Клемперер для Южной Америки. Но с «Огненным ангелом» дело плохо: четыре больших немецких театра вернули, ссылаясь на трудность музыки и несценичность либретто. То, что «Огненный ангел» не идёт, меня волнует меньше: он уже зазвучал через 3-ю Симфонию.»

«Словом, пора мне ехать в СССР - сразиться за своё знамя, но нелишне и покрепче уцепиться за границу (Гаво? Колумбия? Америка?). 3-я и 4-я Симфонии вывезут. Но больше всего - мой новый взгляд на музыку!»

«Третьего играл 2-ю Сонату и мелочь в клубе театральных работников (зал битком, духота, рояль крикливый); перед этим говорил о советской музыке за границей и кое о какой несоветской музыке. Смеялись, когда я сказал, что Рахманинов -мрачно делает большие деньги» и что Шаляпин, кончив фильм, уехал в Иерусалим.»

«В семь часов у меня группа от Белгоскино с Гусманом, Файнциммером. В Белгоскино; любопытно, первый раз. Обсуждали материалы и музыку. Показывают несколько проб - костюмов и манеры говорить. Я атакую русский театр, манеру говорить, насколько американская естественней. Единственное хорошо, что после «кончено» - party. Затем меня снимают для actualités, играющим Гавот и «Токкату». Свет слепит, прожекторы жарят. Затягивается. Куски «Токкаты» играю плохо, но некогда переигрывать. Возвращаюсь домой, сплю.

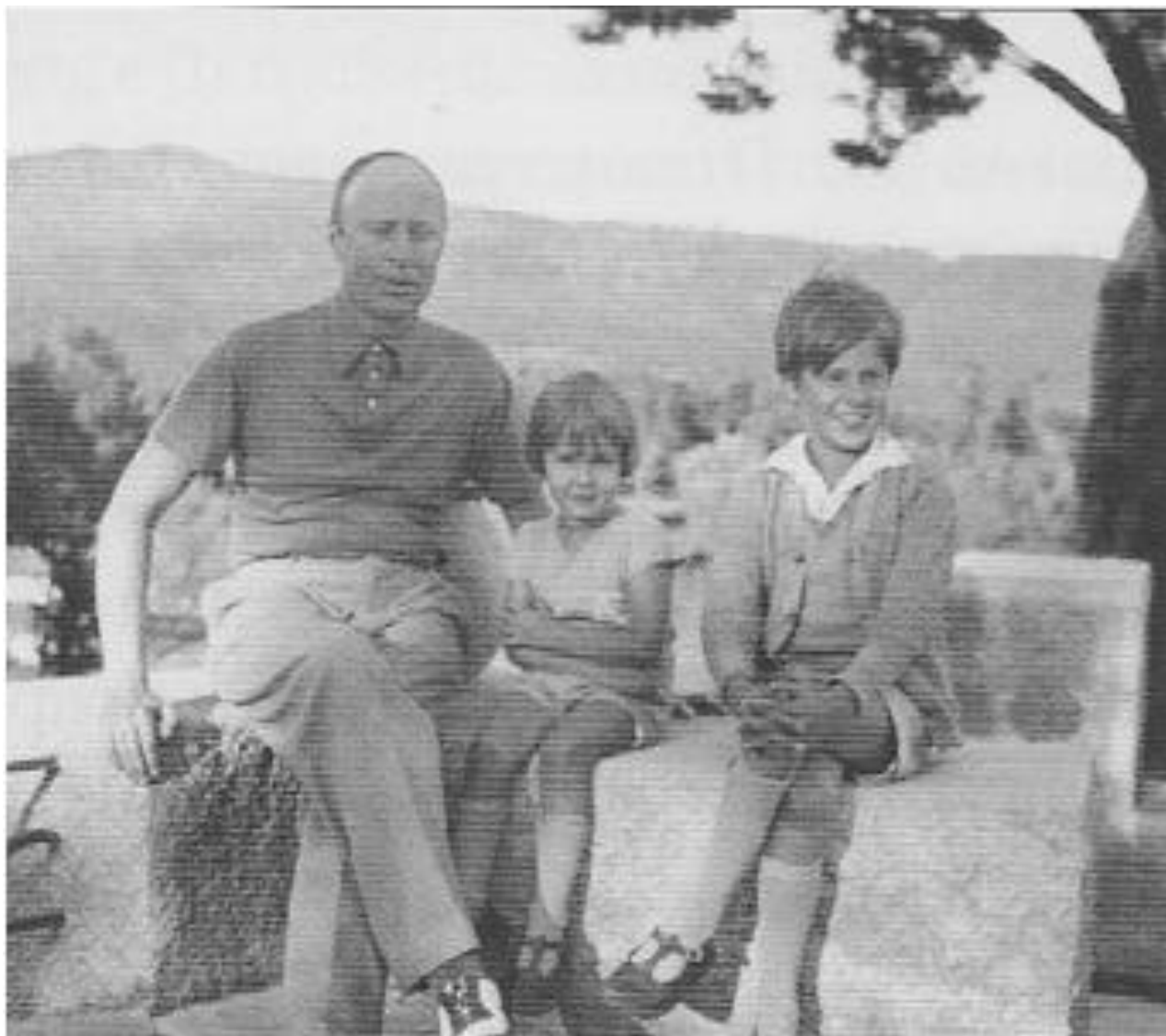
Был Файнциммер и остался очень доволен песенками для фильма. Сочинил между делом несколько дней тому назад. Задание с барабанами - проба, как передаст звуковое кино.»

«Ужин у Юрьева. Смолич о постановке «Игрока» в филиале Большого, Кубацкий о постановке «Шута» в балетной школе. Генеральная репетиция «Пламени» Парижа» в Большом театре, Семёнова, Чабукиани. Я - Асафьеву: теперь надо сочинять этот балет, как я с «Вальсами» Шуберта (в четыре руки) после того, как они были собраны для двух рук. Асафьев обиженно молчит, Мясковский втайне согласен.»

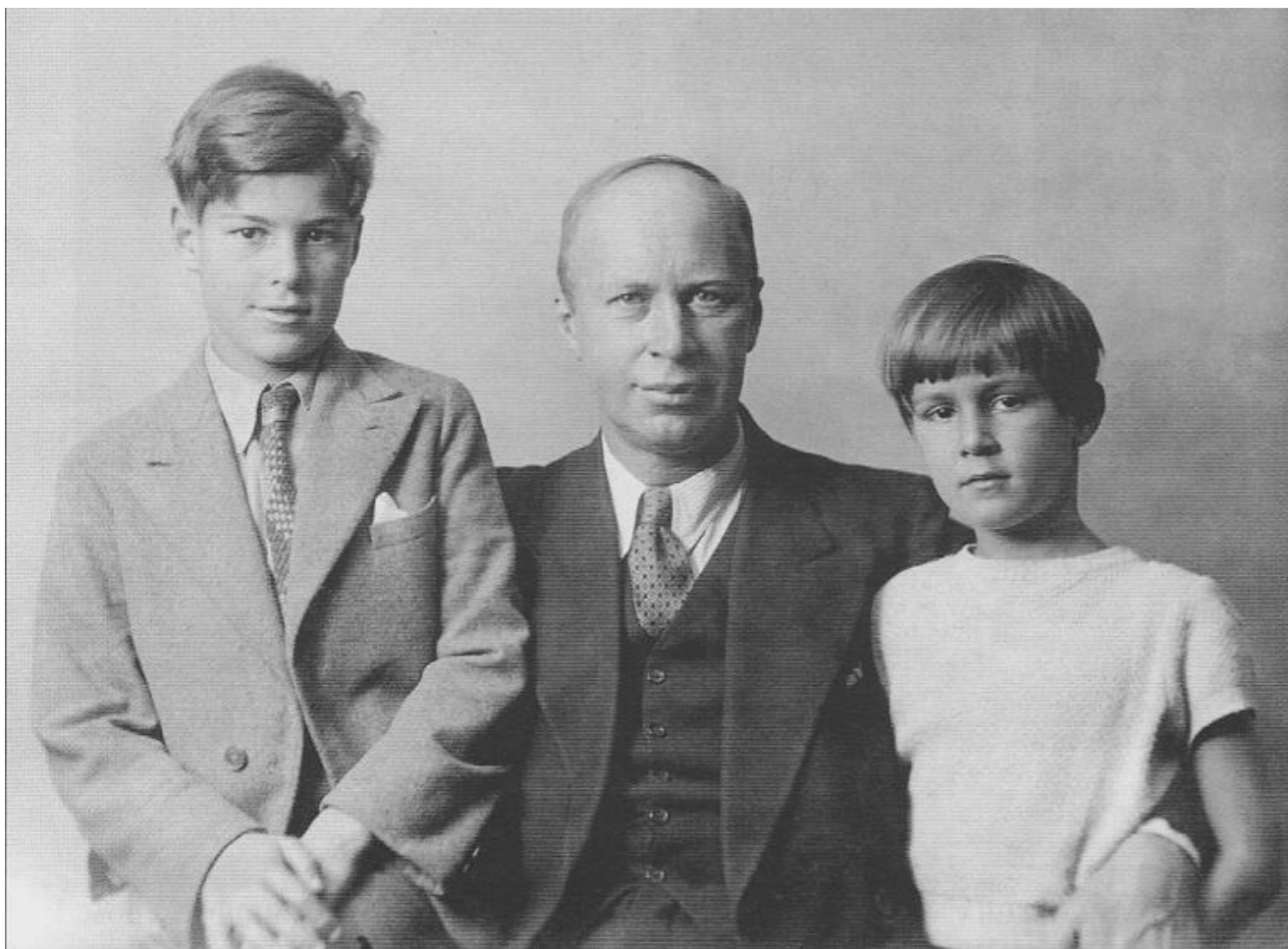

«Но надо, видимо, выбирать или Россию, или эмиграцию. Ясно, что из двух — Россию... думал о России и меня страшно тянуло туда. И в самом деле, какого черта я здесь, а не там, где меня ждут и где мне самому гораздо интереснее?.. понял, как меня туда тянуло и как, в сущности, я уже настроился ехать!»

«После американских небоскребов и парижских насаженных один на другой домов, я любовался московскими переулками, из которых иные целиком состояли из просторных особнячков, тихих и уютных.

За долгие годы странствования я как-то забыл Петербург, мне стало казаться, что его красота была навязана ему патриотизмом петербуржцев и что по существу сердце России, конечно, Москва; мне стало казаться, что европейские красоты Петербурга должны меркнуть перед Западом, и что напротив, евразийские красоты иных московских переулков остаются чем-то единственным.»

«Я придерживаюсь того убеждения, что композитор, как и поэт, ваятель, живописец, призван служить человеку и народу. Он должен воспевать человеческую жизнь и вести человека к светлому будущему. Таков с моей точки зрения незыблемый кодекс искусства».

«Приступая к работе, Эйзенштейн пригласил писать меня музыку к фильму (“Александр Невский”). Работать с Эйзенштейном было чрезвычайно интересно, потому что он является не только блестящим кинорежиссером, но и превосходно разбирается в музыке. Это выразилось, во-первых, в очень конкретных и живописных музыкальных заданиях, которые он ставил передо мной, во-вторых, в том понимании, с которым он принимал от меня написанную музыку.»

«После того, как фильм появился на экране, у меня возникло желание использовать музыку для симфонического произведения с хором. Это была нелегкая работа, и для того, чтобы сделать из этой музыки кантату, мне пришлось затратить гораздо более трудов, чем при первоначальном сочинении ее для фильма.»

«Лето 1941 года мы с женой проводили на даче в Кратове под Москвой. Там я написал балет “Золушка”, заказанный мне Ленинградским театром оперы и балета имени Кирова. 22 июня, теплым солнечным утром я сидел за письменным столом. Вдруг появилась жена сторожа и с взволнованным видом спросила меня, правда ли, что “немец напал на нас, говорят, что бомбят города”. Известие это ошеломило нас. Мы пошли к жившему неподалеку Сергею Эйзенштейну. Да, это оказалось правдой. 22 июня 1941 года немецкие фашисты напали на Советский Союз. Весь советский народ встал на защиту родной земли.»

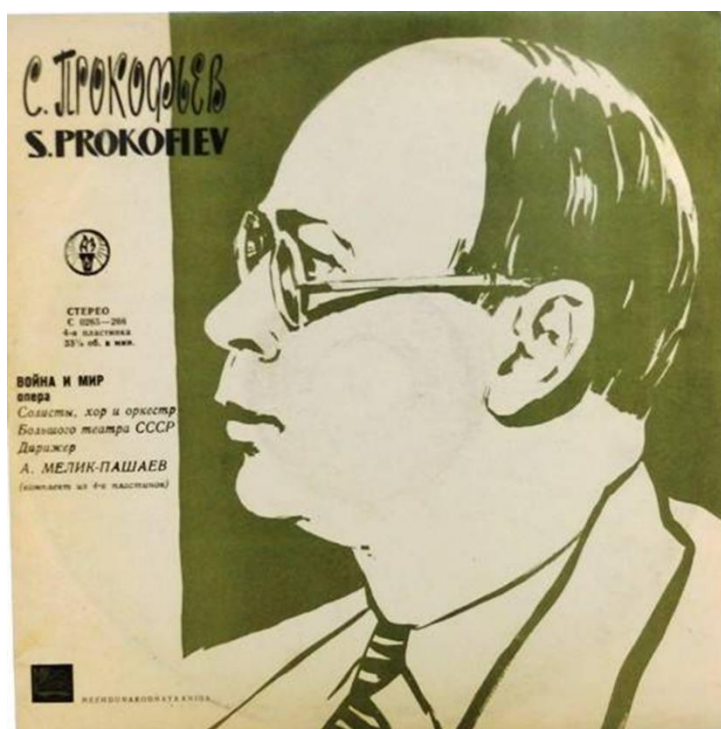
«Первым откликом композиторов на происходящие события, естественно, явились песни и марши героического характера, то есть та музыка, которая могла непосредственно зазвучать на фронте. Я написал две песни и марш. В эти дни приняли ясные формы бродившие у меня мысли написать оперу на сюжет романа Толстого “Война и мир”.»

«Наше артистическое содружество с Эйзенштейном началось еще со времени совместной работы над фильмом “Александр Невский”. В 1942 году я получил от него предложение написать музыку к его новому историческому фильму “Иван Грозный”.»

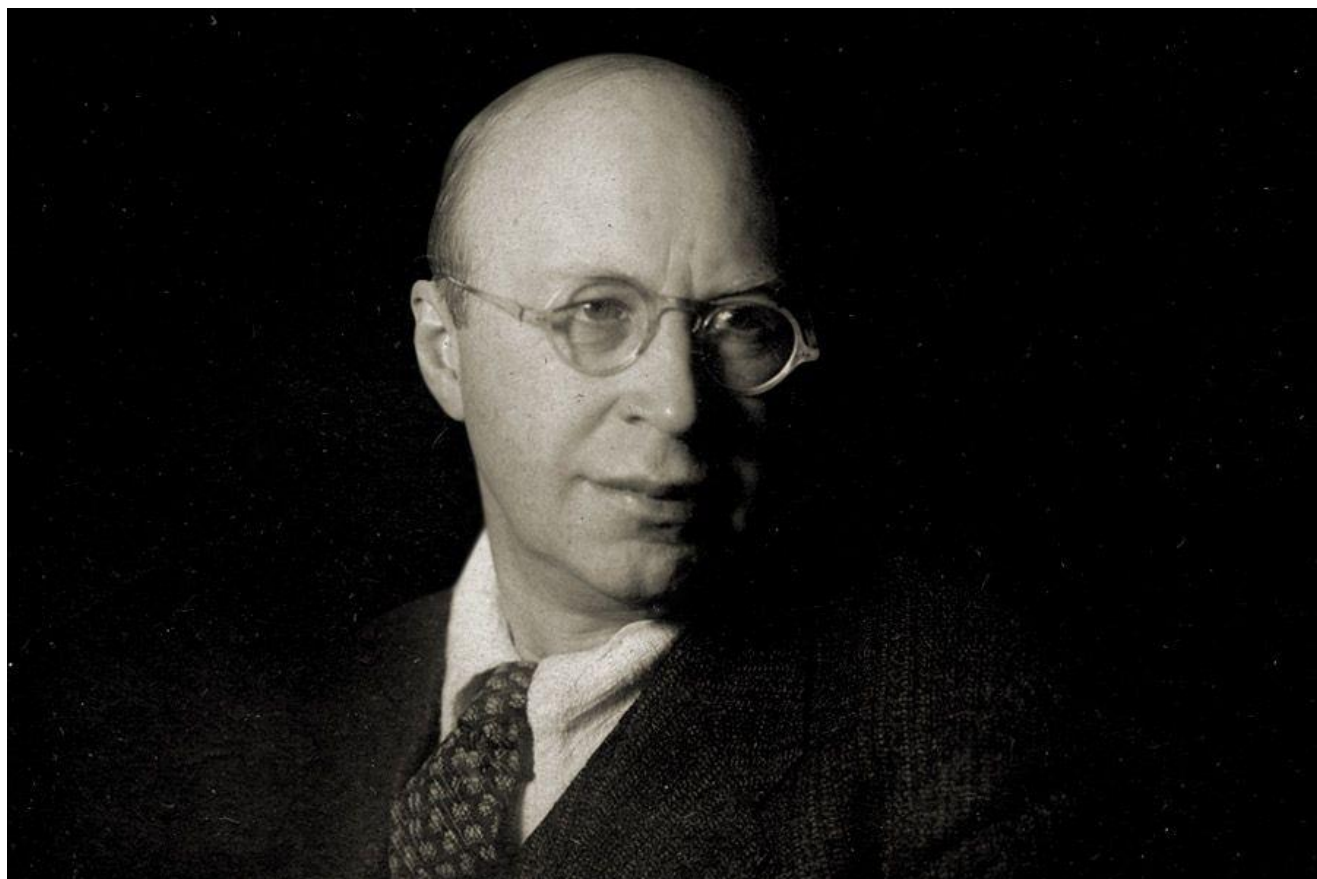
«В конце марта мною закончена опера в 5 актах и 11 картинах “Война и мир” по роману Л. Толстого. Либретто этой оперы написано М. Мендельсон совместно со мною. В нем мы старались по возможности сохранить текст Толстого. Разумеется, невозможно такой большой роман, как “Война и мир”, целиком вместиť в рамки драматического произведения, занимающего один вечер. Поэтому пришлось ограничиться событиями, которые концентрируются вокруг 1812 года.»

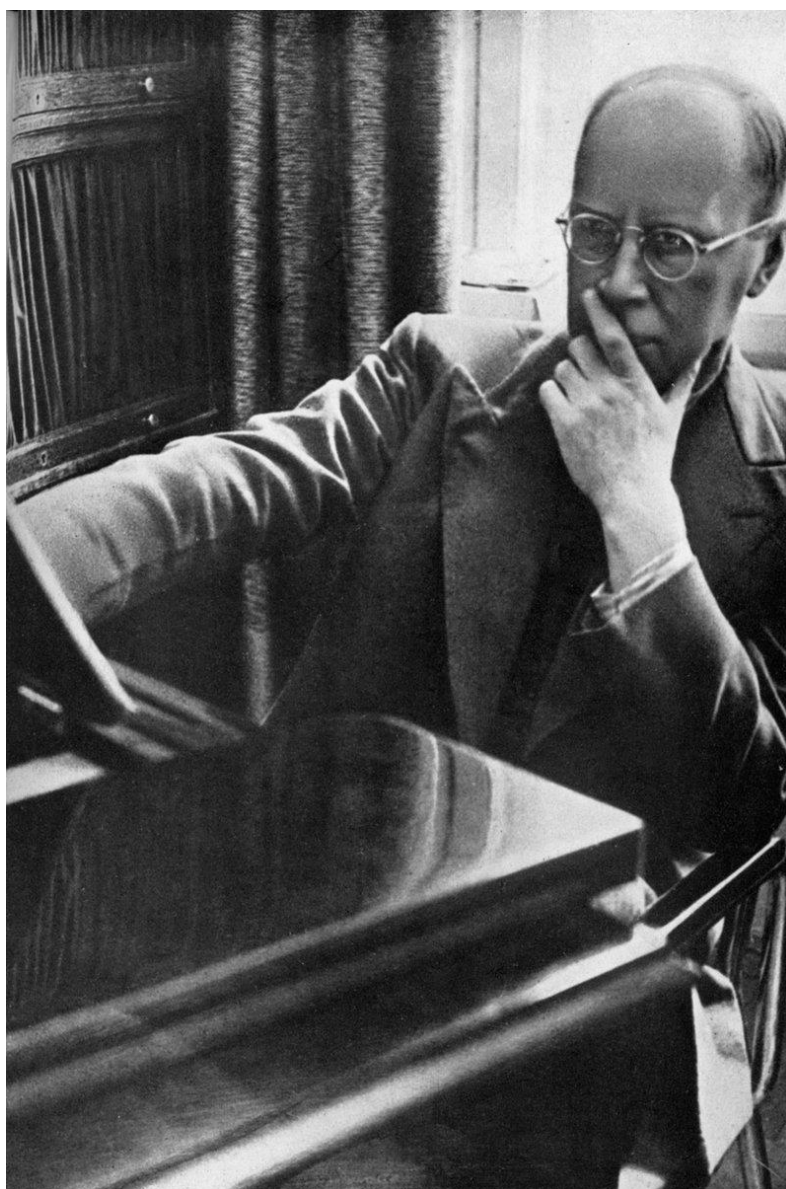
«Параллельно с оперой я написал Второй струнный квартет на кабардинские и балкарские темы и Седьмую сонату для фортепиано. В настоящее время я заканчиваю музыку к фильму “Лермонтов”. В работе над квартетом меня привлекало соединение фольклора с классической формой струнного квартета.»

«Седьмая соната была задумана мною два года назад, одновременно с Шестой сонатой, но мне долгое время не удавалось разрешить некоторые задачи, которые я поставил перед собой. Соната состоит из трех частей, развивается в стремительных темпах и довольно трудна для исполнения, особенно финал — на 7/8»

«Одновременно с “Золушкой” я занимался оркестровкой кантаты “Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным” и параллельно с этим написал Сонату для флейты с фортепиано в 4-х частях. Меня давно привлекал этот инструмент, и мне казалось, что он недостаточно использован в музыкальной литературе. Мне хотелось, чтобы соната звучала в светлых и прозрачных классических тонах.»

Антонио Спадавеккиа о смерти Прокофьева:

«От нас безвременно ушёл большой художник, но он оставил нам самого себя в огромном количестве своих сочинений. Слушая его произведения, играя их, всегда общаешься с ним. Всегда чувствуешь его рядом с собой. Его произведения – гордость нашей Родины и источник нашего вдохновения.»

«Музыку Прокофьева нельзя не узнать и не отличить среди других музык. Это музыка движения, музыка не знающей утомления здоровой жизни»
- Б.В. Асафьев

